

ДЯДЯ МИТЯ

Много дней на своем веку видел дядя Митя, но сегодняшнего дня, на редкость ласкового и ясного, сегодняшнего неба, на редкость синего и прозрачного, уже не видит он. Дядя Митя уже не видит, – вы подумайте только: кто не видит нашего города, с акациями его бульвара, с каштанами его роши?

В Ставрополе, на Соборной горе, стоит колокольня. Ее построил архитектор Воскресенский. Кто в Ставрополе строит еще что-нибудь подобное? Пройдитесь по улицам. Откуда столько купеческой аляповости, столько безвкусицы? Откуда, из какой кондитерской поналеплено столько тортов?

Колокольня Воскресенского – знак. Его видишь еще с Пелагиады.

Колокольня видна?

– Значит, – цел, стоит на месте родной город.

Дмитрий Иванович Евсеев был тоже, «знак».

Дмитрий Иванович жив?

– Значит, – жив родной город:

О, этот родной город! Что такое болото?

– Место, где квакают лягушки.

Что такое провинциальное болото?

– Место, обладающее чудесным свойством. Все, прикоснувшееся к нему, обращается в жабу.

Мы видели, как к нам приезжали люди. Через несколько лет, на наших же глазах, они шипели, как шипят только жабы.

Если я сейчас начну писать акафист, то всяк скажет:

– Он пишет некролог.

Дяде Мите не нужно некролога, ибо он лежит на столе, но чувства – я верю – еще не остыли и он сам больше, чем кто-нибудь, сознает границы правды и неправды.

Я с ним долго работал. Работал в газете. И много. Никогда в наших объяснениях не был повышен голос. Но иногда я получал от него такие письма:

– Милостивый государь! С этого дня прошу не считать меня больше в числе ваших знакомых.

Через неделю мы встречались и старик долго жал мне руку. Можно было подумать, что почта не действовала и письма адресатам перестали вручаться.

Что это значило?

Я, допустим, «поймал» незадачника. По молодости, горячности, я готов был не щадить: вор. Как? Украсть народную копейку? На суд его! На казнь!

Тогда старик Евсеев тащил целый ворох писем этого воришки, где он пишет о семье, о трудности жить, – пишет все то, что обыкновенно пишут обыкновенные, проворовавшиеся и пойманные люди.

И старик говорил:

– Не дело журналиста уличать. Их уличат и без нас, – поверьте. Нужно писать о том, как трудно жить; надо писать о том, чтобы им прибавили жалованья, и они не будут воровать. Честное слово!

О, милый царь Берендей!

Иногда и я ему писал такие же письма. И думал:

– Ну, теперь довольно, Дмитрий Иванович! Конец!

И когда встречал его в роще, на мосту, подходил, и мы долго говорили обо всем, кроме письма.

Почта не действовала.

В обычное время, когда в стране правильно функционирует ввоз и вывоз, вы никогда не найдете в Астрахани хорошей икры. В Исадах вам скажут:

– Первый сорт в Москву-с идет.

В обычное время зимой, вы никогда не достанете в Ницце хороших белых роз. Вам скажут:

– Первый сорт идет за границу, на север.

Не найдете вы здесь, в глухой провинции, и людей по той же причине:

– Первый сорт идет в столицу.

Наши сливки ест кто-то другой. Нам остается разное: кому – снятое молочко, а кому – и водица.

Но иногда и фунт хорошей икры в Астрахани, и букет белых роз в Ницце:

– Случайно застревают. Так Евсеев, человек первого сорта, застрял в Ставрополе.

И большим, умным джентльменом прошел он мимо наживы, мимо домостроительства, мимо бессонниц от восторгов, как хороши дверные замки, мимо провинциального благополучия, мимо всей этой засасывающей пошлости.

Он зарабатывал десятки тысяч, – но где его торт-паллацо? Не знал старик сладости дверных замков и бриллиантов, сверкающих на безымянном пальце!

Беден его кабинет и цена столу его письменному – двадцать рублей.

Бриллиант нужен бездарности, как кокарда – чиновнику. Ибо есть страх:

– Без бриллианта, без кокарды не заметят во мне великого моего достоинства. Не почтут.

Бриллиант и собственный дверной замок – вывеска, ибо обыватель рассуждает по такой логике:

– У него на пальце сверкает бриллиант и у окна висит вогнутое зеркало. Значит, много зарабатываешь, ибо выбирает в зеркале клиента. Много зарабатывает или выбирает? Значит хорош. Аксиос.

Евсеев не носил бриллиантов, но когда – свершилось! – Когда от Ставропольской губернии выбрали первых членов первой Государственной Думы, то первый визит, который они сделали, был:

– Димитрию Ивановичу Евсееву.

Пошли «представиться».

Почему? По каким влечениям?

Я думаю потому, что Евсеев что-то, когда-то сделал, чтобы была в стране Государственная Дума. «Что» – он сам не знал, «когда» – он сам не помнит, а меж тем, как твоя от твоих, так и первый «визит» ему.

– Инстинкт не обманывает.

В первой Государственной Думе шумели журналисты из-за мест в ложе печати. Мест было немного. Пришлось выбрать комиссию, чтобы их распределить.

– «Народная молва» из Рыбинска.

– Долой! Нет места!

– «Северный Кавказ».

– Пожалуйте. А старик Евсеев еще жив?

И «Северный Кавказ» получал место, ибо его знали – и редкость по нынешним временам – уважали.

Лет 35 тому назад Евсеев создавал первую частную газету на всем Северном Кавказе и создавал ее где? В Ставрополе. С чем, с каким подвигом сравнить теперь такую заслугу? Я думаю, – скажу и мало ошибусь, – что по тем временам это было так же трудно, как теперь создать, например, университет в нашем городе. И чего это стоило? Я был мальчишкой, но помню, как на косяках домов, на фонарных столбах дядя Митя расклеивал объявления и взывал к обывателю:

– Помогите! Поддержите газету!..

Это писал Евсеев.

– Вы, нынешние, нутка? Что вы делаете для родного города?

Украшаете его двухрублевыми тортами?

...Чувствую, что пишется нескладно и несвязно.

Не собрать мыслей, не собрать чувств.

Жаль дядю, жаль старого дядю Митю.

Рано по утру вчера постучали ко мне в дверь. Сказали:

Дмитрий Иванович скончался.

И сегодняшнего дня, на редкость ласкового и ясного, сегодняшнего неба, на редкость синего и прекрасного, уже не видит он.

Пошлите ему сегодня роз из ваших садов; пошлите ему цветов, побольше цветов из рощи, и пусть, как белый виноград, ляжет к ногам его венки из белых акаций...

И пронесите его мимо «Северного Кавказа».

Сургучев И. Д.